

НЕФЕДОВСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БЕСПЛАТНАЯ БИБЛИОТЕКА
отд. №

О Бѣлозерской обители и ея основатѣ прѣпо-
добномъ Кирилѣ.

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
I. Житіе св. Кирилла И. В. Бабушкина

Въ 1337 году, въ Москвѣ, въ благочестивой семье родился мальчикъ Косьма. Онъ росъ въ добродѣтели и былъ любимъ всѣми. Родители его скончались рано, поручивъ отрока богатому и знатному сроднику своему, великокняжескому вельможѣ Тимоѳею Волуевичу. Вскорѣ по смерти родителей Косьма почувствовалъ призваніе къ иноческой жизни, но игумены монастырей не рѣшались постричь его, потому что боялись вельможи Тимоѳея. Тимоѳей любилъ юношу за его добрыя свойства, и когда онъ возмужалъ, поручилъ ему управлѣніе своими имѣніями; потому разстаться съ нимъ Тимоѳею было тяжело. Косьма затаилъ завѣтное желаніе въ глубинѣ сердца и покорно ждалъ, когда Господу угодно будетъ удостоить его образа иноческаго, а пока старался воспитать себя въ духѣ подвижничества: постился, усердно

молился, прилежно посъщалъ храмы Божіи, творилъ милостыню, хранилъ чистоту тѣлесную, украшалъ себя незлобіемъ и смиреніемъ.

Наконецъ Богъ помогъ исполниться его желанію. Въ Москву пришелъ игуменъ Махрищской обители *) Стефанъ, мужъ въ то время всѣмъ извѣстный святостью своего житія. Узнавъ о прибытіи Стефана, Косьма явился къ нему, припалъ къ ногамъ его и слезно молилъ о постриженіи.

— «Какъ Богу угодно, такъ пусть и будетъ!» подумалъ Стефанъ, облекъ Косьму въ иноческое одѣяніе и назвалъ его Кирилломъ; но пострига не совершилъ, предоставивъ дальнийшую судьбу новонареченаго волѣ Божіей.

Затѣмъ Стефанъ пошелъ къ Тимоѳею. Тимоѳеи глубоко уважалъ преподобнаго, вышелъ къ нему на встрѣчу и просилъ благословенія себѣ и семьеї своей.

— «Богомолецъ вашъ Кириллъ да благословить васъ!» сказалъ Стефанъ.

— «Какой Кириллъ?» спросилъ удивленный Тимоѳеей.

— «Бывшій сродникъ вашъ Косьма—отвѣчалъ Стефанъ,—а нынѣ инокъ, Господу работникъ и о васъ молельщикъ».

*) Обитель эта находилась въ верстахъ въ тридцати отъ Троицкой лавры.

Тяжко отозвались эти слова въ сердцѣ Тимоея, и онъ сталъ грубо упрекать игумена.

— «Иже аще не пріемлетъ васъ, ниже послушаетъ словесъ вашихъ», отвѣтилъ на эти упреки Стефанъ, вспоминая слова Христовы (Мате. 10, 14), «исходяще изъ дому, отрясите прахъ ногъ вашихъ!.. и вышелъ.

Узнала о случившемся жена Тимоея, Ирина, и стала увѣщевать мужа: «Возможно ли оскорблять такого святого человѣка!» говорила она.

Тимооей раскаялся. Призвавъ къ себѣ Стефана, онъ просилъ у него прощенія и заявилъ, что предоставляетъ Косьмѣ поступить по желанію. Стефанъ спѣшилъ принести добрую вѣсть Кириллу, который возвеселился духомъ, воздалъ хвалу Богу, благодарилъ Тимоея и просилъ Стефана наставить его на дальнѣйшѣ подвиги.

Игумей повелъ его въ московскій «Новый Симоновъ» монастырь, къ архимандриту Феодору, племяннику преподобнаго Сергія Радонежскаго. Феодоръ постригъ Косьму, при чемъ сохранилъ данное ему Стефаномъ имя—Кириллъ.

Въ Симоновомъ монастырѣ въ то время славился житіемъ своимъ инохъ Михаилъ (впослѣдствіи епископъ Смоленскій). Ему Феодоръ и поручилъ новаго брата. Кириллъ усердно подражалъ своему наставнику. Ревность его къ трудамъ и воздержанію была такова, что онъ

просилъ у старца благословенія—быть только разъ въ два или три дня; но старецъ этого не разрѣшилъ, повелѣвъ быть съ братію, «только не до сътости». Ночью Кириллъ вмѣстѣ съ Михаиломъ стоялъ на келейномъ правилѣ, творя поклоны, а въ церковь на утреннюю службу являлся первымъ. Изъ келіи Михаила Кириллъ вскорѣ переведенъ былъ на служеніе въ хлѣбню, а затѣмъ въ поварню: носилъ воду, рубилъ дрова, раздавалъ пищу братіи, и, не взирая на утомленіе, проводилъ, по прежнему, ночи на молитвѣ.

Святый Сергій Радонежскій, уже бывшій тогда въ великой славѣ, приходилъ иногда въ монастырь Симоновъ посѣтить племянника своего, архимандрита, и всегда заходилъ къ Кириллу. Они проводили многіе часы наединѣ, бесѣдую о пользѣ душевной. Всѣ дивились, что Кириллъ удостоился такой чести, и стали обращать на него особенное вниманіе; но похвалы тяготили скромнаго инока, и онъ искалъ укрыться отъ нихъ въ тишинѣ и безмолвіи. Видя такое настроеніе Кирилла, архимандритъ помѣстилъ его на нѣкоторое время въ отдѣльную келію, поручивъ ему переписку книгъ; но затѣмъ снова перевелъ въ поварню, гдѣ подвижникъ служилъ братіи 9 лѣтъ. Даже удостоившись священства, пра-

вя церковныя службы на ряду съ прочими іеромонахами, онъ на время, свободное отъ служенія, возвращался къ трудамъ своимъ въ поварню.

Когда архимандритъ Феодоръ посвященъ былъ во епископа Ростовскаго, Кирилль возведенъ былъ на его мѣсто. Но власть и почетъ тяготили его. Несмотря на просьбы братіи, онъ оставилъ должность настоятеля и уединился въ келіи на подвигъ безмолвія и непрестанной молитвы.

«Но не можетъ свѣтильникъ утаиться подъ спудомъ: чѣмъ болѣе преподобный избѣгалъ почета отъ людей, тѣмъ болѣе прославлялъ его Господь въ людяхъ» *). Отовсюду притекали къ нему и духовные, и міряне, ища назиданія. Видя это, поставленный вмѣсто Кирилла архимандритъ, Сергій, проникся завистью: въ почетѣ, оказываемомъ Кириллу, онъ видѣлъ небреженіе къ себѣ. Узнавъ объ этомъ, преподобный не оскорбился, не позволилъ себѣ ни малѣйшаго упрека архимандриту, но, полный незлобія и смиренія, удалился въ ближній монастырь Рождества Пресвятыя Богородицы **).

*) Четін-Минеи Св. Дмитрія Ростовскаго. Іюнь.†

**) Монастырь этотъ называли также «Старымъ Симоновымъ», такъ какъ въ 1370 г. онъ основанъ былъ преподобнымъ Сергіемъ на мѣстѣ, принадлежавшемъ вѣкоему Симону. Первымъ его игуменомъ былъ тотъ же Феодоръ, о которомъ мы говорили выше; но вскорѣ

Туть запало ему въ душу желаніе уйти подальше отъ міра и соблазновъ мірскихъ — въ пустыню. Сталъ онъ усердно молиться Богу и Пречистой Богоматери: «Настави меня, укажи мнѣ, куда итти, покажи мнѣ място, ко спасенію удобное». И услышалъ Господь моленіе угодника своего.

Преподобный имѣлъ обычай каждую ночь пѣть акаѳистъ предъ иконою Богородицы; и вотъ однажды, дойдя до словъ акаѳиста: «Странное рождество видѣвшее, устранимся міра, умъ на небеса преложше»... онъ умилился сердцемъ, весь отдался любимому помыслу: «какъ бы дѣйствительно, устранившись отъ всякой суеты мірской, поработать Господу въ уединеніи» и съ новымъ усердіемъ сталъ молить Пресвятую Дѣву, да наставитъ его на путь спасенія. Вдругъ слышитъ онъ впѣ келии какъ бы издалека призывающій голосъ: «Кириллъ, иди на Бѣлоозеро, тамъ найденъ покой душевный, тамъ уготовала Я тебѣ място, гдѣ обрящешь спасеніе». Преподобный бросился къ окну и пораженъ былъ чуднымъ видѣніемъ: на сѣверѣ увидалъ онъ ярко озаренную не-

(1379 г.) Феодоръ основалъ рядомъ другой монастырь, именуемый «Новымъ Симоновымъ», въ который первоначально и приведенъ былъ св. Кириллъ. Старый Симоновъ монастырь упраздненъ, церковь же его въ память Рождества Пресвятой Богородицы существуетъ до сихъ поръ.

знакомую мѣстность, и лучъ свѣта, опускаясь съ небесъ, какъ бы указывалъ на нее. Пораженный радостнымъ трепетомъ, долго стояль Кириллъ у окна, вглядываясь въ сіяющую даль... Когда же видѣніе исчезло, сердце Кирилла исполнилось неизреченной радости. Полный благоговѣнія, докончилъ онъ прерванный акаоистъ и весь остатокъ ночи провелъ безъ сна въ горячей молитвѣ.

Въ Рождественскомъ монастырѣ жилъ въ то время инокъ Өерапонтъ, постриженный въ монашество одновременно съ Кирилломъ. Онъ бывалъ на Бѣлоозерѣ.

— «Есть ли тамъ мѣста, удобныя для безмолвнаго житія?» спросилъ его Кириллъ.

— «Много тамъ мѣстъ, удобныхъ для уединенія», отвѣчалъ Өерапонтъ.

Кириллъ предложилъ Өерапонту вмѣстѣ итти на Бѣлоозеро. Пройдя долгій путь, благочестивые иноки пришли въ желанный край; но Кириллъ долго бродилъ по нему, не находя мѣстности, указанной ему въ видѣніи, пока однажды не набрель на берега озера Сиверскаго, на «мѣсто, огражденное водами яко стѣною», гдѣ нынѣ стоитъ святая обитель Бѣлозерская.

— «Вотъ мѣсто успокoenія моего», воскликнулъ Кириллъ: «здѣсь поселюсь по указанію Пречистой Матери Божіей. Благословенъ от-

нынѣ и до вѣка Господь Богъ, услышавшій моленіе раба своего!», водрузилъ крестъ и, пропѣвъ хвалебный канонъ Богородицѣ, впервые рассказалъ Ферапонту о своемъ видѣніи.

Пришельцы выкопали себѣ землянку и сначала жили въ ней вмѣстѣ, но вскорѣ разстались, «ища полнаго безмолвія». Ферапонтъ поселился верстахъ въ 15-ти, близъ озера Павскаго, на мѣстѣ, где внослѣдствіи тоже возникла обитель (въ память Рождества Богородицы), нынѣ упраздненная и обращенная въ приходскую церковь, но славная въ лѣтописяхъ нашего монашества подъ именемъ «монастыря Ферапонтова».

Кириллу было 60 лѣтъ, когда онъ пришелъ на Сиверское озеро. Тридцать лѣтъ монастырской жизни воспитали въ немъ силу воли, готовую на трудные подвиги. Въ возрастѣ, когда другіе кончаютъ земное поприще, преподобный, бодрый духомъ и тѣломъ, еще смѣло выступаетъ на поприще духовнаго просвѣщенія обширнаго края Бѣлозерскаго.

Усердно проходилъ угодникъ Божій подвиги пустыннаго житія. Но вотъ однажды на убѣжище его случайно набрели два благочестивые христіанина — Авксентій Воронъ и Матѳеевъ Кукось. Изумленные житіемъ преподобнаго, глубоко потрясенные его бесѣдой, они стали

посѣщать его ради поученія и благословенія. Они же рассказали святому, что за много лѣтъ до его прибытія, на мѣстѣ, имъ избранномъ, жившій неподалеку земледѣлецъ Исаія и многіе люди часто, особенно по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, слышали звонъ и дивное пѣніе, и не разъ приходили посмотреть—откуда этотъ звонъ, откуда голоса? Но видѣть имъ ничего не удавалось, и они каждый разъ уходили въ трепетъ и недоумѣніи.

Вскорѣ слава о святомъ старцѣ распространилась далеко, и къ нему стали приходить жаждущіе пользы душамъ своимъ. Многіе просили разрѣшенія поселиться при немъ; пришли къ нему и два «любезные и единомысленные» ему инока Симонова монастыря, прося принять ихъ въ сожительство. Всѣ искали наставленій преподобнаго, искали себѣ въ немъ руководителя, отца духовнаго. Напрасно Кириллъ уклонялся, напрасно въ искреннемъ смиреніи заявлялъ, что не ему, грѣшному и недостойному, руководить ближними въ трудахъ спасенія; «побѣждаемый братолюбіемъ и желаніемъ спасенія душъ человѣческихъ», онъ наконецъ сталъ принимать братію. Вокругъ скромнаго жилища угодника Божія возникли келіи учениковъ его.

Вскорѣ братія стала думать—какъ бы воздигнуть церковь для общей молитвы? Лѣса

много вокругъ, но между отшельниками не было плотниковъ. Св. Кириллъ усердно молилъ Богоматерь о помоши, и вотъ однажды пришли откуда-то никемъ не званные плотники и соорудили церковь въ память Успенія Пресвятой Богородицы. Такъ положено было основаніе монастырю Бѣлозерскому.

Преподобный много заботился о духовномъ преуспѣяніи обители и съ самаго начала установилъ въ ней твердые правила благочестиваго общежитія. Иночъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго личнаго имущества; всѣ иноски трудились, но плоды трудовъ братскихъ отдавались въ общую монастырскую казну,— изъ нея иноски получали все имъ потребное безъ излишества. Пища полагалась самая скучная; какъ питье, допускалась только вода, да и той никто въ келіи своей не держалъ: чувствуя жажду, иночъ, чтобы утолить ее, долженъ былъ итти въ трапезу. Инокамъ запрещалось посещать другъ друга безъ крайней надобности. Преподобный училъ братьевъ бѣсѣдоватъ между собою только въ духѣ Священнаго Писанія, воздерживаясь отъ собственнаго любомудрія, и т. д.

Въ высокомъ подвижничествѣ св. Кириллъ прожилъ до глубокой старости и еще при жизни получилъ отъ Бога даръ чудотворенія. Скон-

чался онъ, имѣя 90 лѣтъ отъ роду. Въ день смерти, чувствуя близкую кончину, преподобный призвалъ къ себѣ всю братію (53 человѣка). Иночіи рыдали, скорбя объ отходящемъ и объ обители, опасаясь, что она оскудѣеть безъ славнаго своего основателя. Кириллъ утѣшалъ ихъ: «Не скорбите, братія и дѣти, мѣсто это не оскудѣеть, только любовь имѣйте между собою. Уже часъ миѣ почити о Господѣ. Предаю васть Богу и Пречистой Матери Его: Они да сохранять васъ отъ всѣхъ искушеній лукаваго». Тутъ же преподобный назначилъ одного изъ иночовъ—Иннокентія—своимъ преемникомъ, игуменомъ. Братія подходили къ умирающему; онъ всѣмъ оставлялъ послѣднєе благословеніе и у всѣхъ просилъ прощенія. Затѣмъ причастился Св. Таинъ и тихо отдалъ Господу свою святую душу. Тѣло его было предано землѣ 9-го юня 1427 года.

Таковъ быль великий угодникъ Божій, основатель обители Бѣлозерской. Ознакомимся теперь съ самой обителю, имъ основанной.

II. Обитель св. Кирилла.

Обитель Бѣлозерская лежитъ въ отдаленномъ краѣ Новгородской губерніи, прилегающемъ къ губерніи Вологодской, и гораздо бли-

же къ Вологдѣ, чѣмъ къ Новгороду; именно отъ Новгорода до нея 600 верстъ, отъ Вологды же только 120.

Монастырь окружено водою; стѣны его съ южной стороны высятся какъ бы прямо изъ водъ озера Сиверскаго, которое тянется верстъ на пять или на шесть, а въ ширину имѣть не болѣе версты. Посрединѣ этого озера, противъ монастыря—небольшой островокъ, и на немъ деревянный крестъ, по преданію—водруженный преподобнымъ Кирилломъ. Невдалекѣ еще два озера—Бабье и Долгое. Между озерами вездѣ подымаются лѣсистые пригорки. Высоко надъ всей окрестностью красуется справа, за Сиверскимъ озеромъ, гора Маурина, или Маура.

Монастырь обнесенъ обширною стѣной (716 сажень въ окружности), которая съ востока, съвера и запада имѣть 16 аршинъ въ высину, и только съ юга, гдѣ монастырь прилегаетъ къ озеру Сиверскому, понижается до 9-ти аршинъ.

Шестнадцати-аршинныя стѣны имѣютъ сажени три толщины въ основаніи и построены въ три яруса. Въ нижнемъ прежде находились кузни, амбары, разныя службы, а лѣтъ тридцать — сорокъ тому назадъ тамъ еще хранилась казенная соль; во второмъ и третьемъ

ярусахъ устроены просторные ходы (галлереи). Къ стѣнамъ примыкаютъ нѣсколько башенъ различной величины; однѣхъ большихъ башенъ десять. Всѣхъ величественнѣе «Московская», о 15 граняхъ, въ нѣсколько ярусовъ; съ 25-ти саженной высоты ея открывается прекрасный видъ на окрестность. Теперь всходить можно только на немногія изъ башенъ, такъ какъ внутри онѣ сильно пострадали отъ времени, а встарину — насколько можно судить по сохранившимся остаткамъ — всѣ онѣ снабжены были внутренними лѣстницами и заключали въ себѣ по нѣсколько помѣщений. Въ этихъ башняхъ устроены были и тѣ страшные *каменные мѣшики*, въ которыхъ томились присыпаемые въ монастырь преступники, опальные люди, а также плѣнны. «Мѣшокъ» представлялъ собою глубокое, узкое пространство, какъ бы колодезь, въ который опускался узникъ.

Крѣпкія стѣны и грозныя башни вмѣстѣ имѣютъ вполнѣ видъ старинной крѣпости — кремля. Древнѣйшіе изъ монастырей нашихъ, возникавшіе на окраинахъ, всѣ почти строились такимъ образомъ; и недаромъ: они нерѣдко подвергались нападенію враговъ земли Русской и служили ей оплотомъ. Въ 1612 году, когда Троицкая лавра выдержала зна-

менитую осаду *), Поляки (Литовцы) подступали и къ Кириллову монастырю. Въ этомъ году, пишетъ лѣтописецъ, «литва въ 20-й день августа подходила подъ Кирилловъ монастырь и выжгла многое въ немъ»; а «въ слѣдующемъ году, сентября въ 22 день, литва выжгла Вологду и опять приступала къ монастырю ночью на 5 декабря, а затѣмъ ночью на 11 декабря, но была отбита». На западной сторонѣ Сиверского озера до сихъ поръ показываютъ одинокій холмъ, называемый Золотухой, на которомъ стоялъ лагерь непріятеля и гдѣ ядромъ съ башни монастырской былъ убитъ вражескій воевода. Въ 1633 году царь Михаилъ Феодоровичъ счель необходимымъ возобновить пострадавшія стѣны монастырскія; онѣ строились 33 года, окончены при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1666 году и стоили большихъ денегъ и много труда.

Укрѣпленный такимъ образомъ монастырь Бѣлозерскій могъ дѣйствительно считаться первостепенною твердынею. Кромѣ царскихъ стрѣльцовъ, онъ вооружалъ при надобности и собственныхъ ратниковъ изъ приписанныхъ къ нему 20,000 крестьянъ. Изъ грамать, хранящихся въ обители, видно, что въ смутный XVII

*) Издание Комиссіи «Свято-Троицкая Сергіева лавра. Ея значеніе въ жизни Русскаго народа». Цѣна 12 коп.

вѣкъ обитель не разъ снабжала государство деньгами, хлѣбомъ и воинскими снарядами. По описи 1668 г. по стѣнамъ ея разставлено было до десяти пушекъ большого колибра (въ 80 и болѣе пудовъ) и до 20-ти средняго (въ 40—50 пуд.). Каждая пушка носила свое название: «Порывай», «Задоръ», «Полканъ» и тому подобныя. Пороха хранилось въ монастырѣ 300 пудовъ, ядеръ 3000, мушкетовъ нѣмецкихъ до 800, пищалей турецкихъ и шведскихъ 350, столько же карабиновъ, до 600 пистолетовъ, кромѣ того разныя сабли, бердыши, кинжалы.

Вступивъ внутрь этого кремля черезъ главные ворота, расположенные подъ Казанской башней, посрединѣ сѣверной стѣны, увидите сначала обширный древній монастырскій дворъ, нынѣ обращенный въ поле и засѣянный хлѣбомъ. Только по сторонамъ этого двора еще уцѣлѣли слѣды стоявшихъ въ немъ нѣкогда келій. По развалинамъ можно предполагать, что келіи эти построены были безъ трубъ итопились «по черному», какъ курныя избы, такъ какъ потолки ихъ покрыты копотью; отъ половъ слѣдовъ не осталось; освѣщались келіи тускло маленькими окнами. Полагаютъ, что собственно братія монастырская въ нихъ не жила, а онѣ предоставлялись служите-

лямъ монастырскимъ, преимущественно же ратникамъ, защитникамъ монастырского кремля.

Въ глубинѣ древняго двора, за посьвами, виднѣется вторая, внутренняя стѣна, тоже снабженная башнями. Она составлена собственно изъ монастырскихъ зданій, бывшихъ келій, теперь болышею частью запустѣвшихъ. Слѣва стѣна эта не прилегаетъ къ большой стѣнѣ, а упирается въ невысокую каменную ограду, за которой виднѣется одинокій холмъ, осѣненный вѣковыми соснами. На холмѣ двѣ церкви и двѣ часовни. Это совершенно отдѣльная часть обители, называемая «Ивановскимъ монастыремъ».

Пройдя внутреннюю стѣну и «Ивановскій монастырь», вступаешь въ самую обитель Бѣлозерскую. Входять въ нее Святыми воротами, расположенными подъ церковью во имя Иоанна Лѣствичника и Феодора Стратилата. Поставлена эта церковь царемъ Иоанномъ Грознымъ, — именами тѣхъ же святыхъ наречены были два его сына. Замѣчательна запись монастырская о вкладѣ царевича Иоанна: «Царевичъ князь Иванъ Ивановичъ пожаловалъ въ домъ Пречистой Богоматери и Чудотворца Кирилла тысячу рублей игумену съ братію, и должны они за князя Иваново здравіе молити... А благоволить Богъ, царевичъ князь Иванъ

Ивановичъ похочеть постричися, и намъ царевича князя Ивана постричи за тотъ вкладъ; а если, по грѣхамъ, царевича Ивана не станетъ, то и поминати». Запись эта значится подъ 1570 годомъ, сдѣлана слѣдовательно въ пору самыхъ страшныхъ казней Иоанновыхъ... Быть можетъ, напуганный ими, царевичъ думалъ укрыться въ стѣнахъ обители.

Ворота, расположенные подъ этой церковью, украшены изображеніями событий изъ жизни угодника Божія Кирилла. За ними передъ богомольцемъ открываются храмы, колокольни, зданія монастыря, его сады, огороды, покосы и рѣчка. Но особенно привлекаетъ внимание древній, уже нѣсколько ушелій въ землю, соборъ Успенія Богородицы, какъ бы сросшійся съ пятью другими церквами, соединенными подъ общей крышей съ нѣсколькими куполами. Древность собора и святыни привлекаютъ къ нему сердца богомольцевъ. Изъ подъ широкой арки, отдѣляющей полуразрушенную паперть отъ собора, открывается вся его внутренность и древній иконостасъ, простотою своей живо напоминающій вѣка давно минувшіе. Иконы его разставлены въ нѣсколько ярусовъ на полкахъ; иконы нижняго ряда—древняго письма; храмовая же икона Успенія писана знаменитымъ иконописцемъ временъ Дмитрія Донскаго, Ан-

дреемъ Рублевымъ. Сребркованныя съ фили-
грановыми украшениями царскія врата, какъ
видно по надписи надъ ними, пожертвованы
царемъ Михаиломъ Феодоровичемъ. По лѣвую
сторону этихъ вратъ, въ кипарисномъ позлащен-
номъ кивотѣ, стоитъ великое сокровище—икона
Богоматери Одигитріи, та самая, предъ кото-
рой молился преподобный Кирилль, когда услы-
шаль дивный гласъ, призвавшій его въ края
Бѣлозерскіе. Она богато украшена дарами царя
Іоанна Васильевича и первой супруги его Ана-
стасіи Романовны, а также и другихъ лицъ.

Мощи преподобнаго покоятся въ сребрко-
ванный ракѣ, въ отдѣльной церкви, построен-
ной во имя его и примыкающей къ собору съ
южной стороны. Рака, какъ значится въ над-
писи на ней, сооружена въ царствованіе Ми-
хаила Феодоровича усердіемъ боярина Федора
Івановича Шереметева, постригшагося въ оби-
тели Кирилловой подъ именемъ Феодосія.

Между описаннымъ холоднымъ соборомъ
Успенія и теплымъ Введенія стоитъ ветхій
храмъ Архангела Гавріила (съ придѣломъ во
имя святыхъ Константина и Елены), соору-
женный великимъ княземъ Василіемъ Іоанно-
вичемъ. Вмѣстѣ съ супругою своею Еленою,
изъ рода Глинскихъ, ходилъ онъ на богомолье
въ монастырь Кирилловъ, чтобы испросить себѣ

сына, наследника Русскому престолу, и родился у него сынъ Иоаннъ, впослѣдствіи прозванный Грознымъ. Память объ этомъ событіи Государь выразилъ не только построеніемъ въ обители этого храма и другаго на Ивановой горѣ (о которомъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ), но еще тѣмъ, что, умирая, постригся въ схиму инокомъ обители Кирилловой, принявъ имя «Варлаамъ». Царь Иоаннъ также три раза посѣщалъ обитель преподобнаго и скончался постриженникомъ ея, «схимонахомъ Ионою».

Теплый соборъ Введенія, устроенный изъ древней трапезы, къ сожалѣнію, передѣланъ на новый ладъ и утратилъ священное благолѣпіе старины. Въ былое время въ этой трапезной совершились царскія заздравныя и поминальныя трапезы, которыя такъ часто повторялись въ монастырѣ Кирилловѣ, что для нихъ существовалъ тамъ особый чинъ. Здѣсь не разъ возсѣдалъ съ братіею грозный Иоаннъ. На столѣ посреди храма обращаеть на себя вниманіе очень древняя икона Умиленія Богоматери, великолѣпно украшенная яхонтами, изумрудами и жемчугомъ — даръ благочестивой княгини Ефросиніи, въ инокиняхъ Евдокіи, супруги князя Андрея Ивановича Старицкаго, дяди Грознаго.

Изъ двухъ остальныхъ церквей, связанныхъ

съ соборомъ Успенія, одна сооружена была надъ родовою усыпальницею князей Воротынскихъ, другая надъ гробницами князей Телятевскихъ. Изъ погребенныхъ здѣсь Воротынскихъ особенно замѣчательнъ князь Михаилъ, прозванный за свои подвиги во время осады Казани «слугой Государевымъ», но затѣмъ попавшій въ опалу и сосланный въ Кирилловъ монастырь вмѣстѣ съ іереемъ Сильвестромъ и другими дѣятелями первыхъ, славныхъ лѣтъ царствованія Иоанна Грознаго. Черезъ 3 года онъ былъ прощенъ и успѣлъ оказать новую услугу отечеству, разгромивъ полчища хана крымскаго Девлетъ-Гирея (подъ Москвою на р. Лопаснѣ). Не прошло, однако, и года послѣ этой побѣды, какъ Воротынского опять схватили, со словъ бѣглаго холопа обвинили въ ворожбѣ, пытали и, наконецъ, полуживаго опять повезли въ заточеніе на Бѣлоозеро. Туда прибыло, однако, только тѣло доблестнаго князя Михаила: онъ умеръ на пути, въ городѣ Каширѣ.

Кромѣ Воротынскихъ и Телятевскихъ много вкладовъ дѣлали въ обитель еще бояре Шереметевы. Два знаменитыхъ представителя этого рода проходили въ ней иноческое житіе. Туда укрылся и принялъ монашество въ дни Иоанновы воевода Иванъ Васильевичъ, прозваниемъ Большій, который неоднократно по-

ражалъ полчища татаръ ордынскихъ, казанскихъ и крымскихъ, а на сдѣланный ему грознымъ царемъ въ темницѣ вопросъ:

— «Гдѣ сокровища твои?», могъ отвѣтить:
— «Руками нищихъ я переслалъ ихъ къ моему Христу Спасу».

Другой Шереметевъ, бояринъ Федоръ Ивановичъ, послѣ смутнаго времени призывавшій на царство юнаго Михаила Феодоровича, участвовавшій во всѣхъ правительственныхъ дѣлахъ его, въ глубокой старости пришелъ въ обитель Кириллову и скончался въ ней у гроба преподобнаго, принявъ схиму подъ именемъ Феодосія. Мы уже указывали, что имъ сооружена и рака св. Кирилла (стр. 20). Оба эти Шереметевы, полагаютъ, похоронены были на паперти Успенскаго собора, но могильныя плиты ихъ не сохранились.

Еще объ одномъ знаменитомъ человѣкѣ напоминаетъ монастырь Кирилловъ — о великомъ патріархѣ Никонѣ. Самовольно оставивъ престолъ патріаршій, Никонъ восемь лѣтъ жилъ въ любимомъ, имъ же устроенномъ, монастырѣ Воскресенскомъ, который болѣе извѣстенъ подъ именемъ Новаго Іерусалима. Но въ 1666 году судъ, для котораго царь Алексѣй Михайловичъ призывалъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, осудилъ такое самовольное остав-

вленіе святительского престола, и Никонъ со-
сланъ быль въ Єерапонтовъ монастырь простымъ
монахомъ. Десять лѣтъ прожилъ онъ здѣсь,
когда до патріарха Іоакима дошелъ слухъ,
будто изгнаникъ въ обители Єерапонтовой
живеть въ почетѣ, будто ближніе люди не пе-
рестаютъ величать его патріархомъ. Тогда изъ
Єерапонтовой обители Никона перевели въ Ки-
риллову.

Наконецъ, внимая напоминаніямъ немно-
гихъ вѣрныхъ друзей Никона, а также голосу
собственного сердца,—крестникъ Никона, царь
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, облегчилъ участъ стра-
дальца: сначала онъ утѣшилъ его собственно-
ручнымъ письмомъ и возвращеніемъ къ нему
близкихъ ему лицъ, а затѣмъ вскорѣ, съ bla-
гословенія патріарха Іоакима, рѣшился отпу-
стить старца въ дорогую ему обитель, Новый
Іерусалимъ.

Въ юго-восточномъ углу обители стоитъ не-
большая церковь во имя св. Евоимія Вели-
каго, построенная въ 1653 году при тогдаш-
нихъ больничныхъ келіяхъ. Церковь эта те-
перь упразднена. Съ боку къ ней пристроено
маленькое помѣщеніе, которое въ настоящее
время обращено въ кладовую. Это помѣщеніе
нѣкогда служило молитvenною храминою Ни-
кона. Церковь св. Евоимія была ближайшею

къ его келіи и онъ слушалъ въ ней службы, стоя въ прилегающей къ ней храминѣ отдельно отъ другихъ.

За церковью св. Евемія, между больничнымъ корпусомъ и келіями намѣстника,—выходъ изъ внутренней ограды къ отдельному «Ивановскому монастырю» (стр. 18) Какъ мы уже сказали, онъ расположенье въ западномъ углу первого двора на лѣсистомъ холмѣ, прилегающемъ съ одной стороны къ западной стѣнѣ монастырскаго кремля, съ другой—къ зданіямъ, которыми запустѣлый первый дворъ отдѣляется отъ самой обители. Этотъ холмъ—священный холмъ: въ немъ была ископана та землянка, въ которой, придя на мѣсто, указанное, Богоматерью, первоначально поселились св. Кириллъ и св. Ферапонтъ. Слѣды ея окончательно разрушились въ 1764 г., когда надъ нею соорудили тяжелый каменный навѣсъ, теперь осѣняющій часовню, которую нѣкоторые признаютъ за позднѣйшую келію преподобнаго. Другая часовня на томъ же холмѣ, также охраняемая каменнымъ навѣсомъ, по преданію, срублена самимъ Кирилломъ изъ сосноваго лѣса. Въ ней не болѣе квадратной сажени. Здѣсь, какъ полагаютъ, преподобнымъ и первыми сподвижниками его совершилось богослуженіе, пока молитвами ихъ не-

званные плотники не построили братіи первую брусянную церковь (стр. 12). Возлѣ часовенъ два креста, высотою въ сажень: одинъ четвероконечный, другой осьмиконечный. Оба они водружены преподобнымъ. На стѣнѣ противъ нихъ полустертыя иконы: одна изображаетъ видѣніе, призвавшее св. Кирилла изъ Рождественскаго монастыря въ страну Бѣлозерскую, другая — сопутника Кириллова, св. Щерапонта. Иконы эти напоминаютъ, что собственно холмъ Ивановскаго монастыря должно признать колыбелью славной обители.

На холмѣ двѣ церкви: одна во имя св. Иоанна Предтечи съ придѣломъ во имя преподобнаго Кирилла, другая (съ трапезою) во имя святаго Сергія. Въ ветхомъ синодикѣ монастырскомъ читаемъ: «Лѣта 7040 (1532), Декабря 13-го, священны были въ Кирилловѣ четыре престола, два въ монастырѣ и два на горѣ, въ одинъ день: въ монастырѣ соборъ Архангела Гавріила да царей Константина и Елены, а на горѣ—Усѣкновенія Предтечи да чудотворца Кирилла; а освѧщалъ владыка вологодскій Алексій». Изъ этого ясно, что великий князь Василій Іоанновичъ соорудилъ въ одно время два храма: упомянутый выше храмъ Архангела, на память дня своего рожденія, съ придѣломъ во имя ангела своей супруги; да

на самомъ холмѣ препо... ^{наго}—храмъ во имя ангела новорожденнаго сына, Іоанна, съ при-дѣломъ во имя св. Кирилла, молитвами кото-раго испрошенъ былъ младенецъ; и всѣ че-тыре престола, устроенные въ память одного события, освящены въ одинъ день. А такъ какъ Іоаннъ крещенье былъ у раки преподоб-наго Сергія, то есть вѣроятіе, что другая цер-ковь сооружена на холмѣ Кирилловомъ въ па-мять этого события, если не Василіемъ Іоан-новичемъ, то позже—самимъ Іоанномъ.

Теперь обѣ церкви—и Предтеченская и Сергіевская—къ сожалѣнію пришли въ совершен-ную ветхость; трапеза при храмѣ св. Сергія даже обращена въ кладовую.

Да и весь монастырь находится въ очевид-номъ упадкѣ, представляя собою только остатки прежняго величія. А въ прежнее время мона-стырь былъ не только святыней и крѣпостью: въ немъ процвѣтали еще промыслы и мастер-ства разнаго рода. Изъ грамоты 1646 года узнаемъ, напримѣръ, что царь Алексѣй Михай-ловичъ, нуждаясь въ каменицахъ и кирпични-кахъ, приказывалъ взять ихъ изъ Кириллова монастыря, «которые и напередъ сего его ка-менное дѣло дѣлывали».

Изъ остатковъ старины въ обители отмѣтимъ, кромѣ храмовъ, еще *ризницу*. Въ ней много

драгоцѣнныхъ облаченій, церковной утвари,— все это доброхотныя пожертвованія благочестивыхъ царей и князей Русскихъ и боголюбивыхъ мірянъ. Особенное вниманіе привлекаетъ къ себѣ великолѣпное кадило серебряное, вызолоченное; на немъ пять главъ церковныхъ; около кадильного жерла—изображенія семи первыхъ діаконовъ христіанской церкви. Замѣчательны также: покровъ на гробницу преподобнаго Кирилла съ его изображеніемъ и ризы бархатныя, перешитыя изъ порфиры Бориса Годунова. Особенно же драгоцѣнны:

1) Изображеніе св. Кирилла, писанное съ него при жизни святымъ Діонисіемъ Глушицкимъ, который скончался десять лѣтъ спустя послѣ Кирилла. Глубокое благоговѣніе внушаютъ величаво-спокойныя, многодумныя черты преподобнаго.

2) Фелонь и подризникъ преподобнаго.

3) Деревянные красные сосуды—дискосъ и потиръ—съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Іоанна Предтечи, точно такие же, какіе были у св. Сергія. Они, вѣроятно, употреблялись преподобнымъ Кирилломъ при богослуженіи.

4) Овчинный тулупъ чудотворца, нирокій, съ петлями; его же:

5) шерстяная шапка,

6) костыль орѣхового дерева,

- 7) кожаная котомка,
- 8) кожаный поясъ съ деревянною пряжкой,
- 9) двѣ чайи мѣдныя,
- 10) деревянный крестъ;
- 11) духовное завѣщеніе преподобнаго, кото-
римъ онъ поручалъ монастырь покровительству
князя Андрея Дмитріевича, и
- 12) Святцы, писанныя его рукою.

На переписку священныхъ книгъ въ древнія
времена смотрѣли, какъ на дѣло богоугодное;
переписчикъ подготавлялся къ труду своему
постомъ и молитвою. И преподобный Кирилль
переписалъ нѣсколько такихъ книгъ своею
рукою; книги эти до сихъ поръ хранятся въ
библіотекѣ Кириллова монастыря. Кромѣ этихъ
рукописей, тамъ было много и древнихъ книгъ,
печатанныхъ въ то время, когда книго-
печатаніе едва начало распространяться на
Руси; но книги эти перевезены нѣсколько лѣтъ
тому назадъ въ библіотеку С.-Петербургской
духовной академіи.

Въ томъ же зданіи, гдѣ хранятся рукописи—
мирные свидѣтели духовной жизни иноковъ
Кирилловой обители,—хранится и *запасъ древ-
наго оружія*, которымъ монастырскіе воины от-
ражали Поляковъ. Оружія эти, которые съ тру-
домъ приподымешь, говорять о силѣ древнихъ
богатырей.

III. Бѣлозерскій край.

Скажемъ въ заключеніе нѣсколько словъ въ отвѣтъ на вопросъ, который часто задаютъ слушающіе разсказы о монастырѣ св. Кирилла: «отчего онъ называется Бѣлозерскимъ, если стоитъ на озерѣ Сиверскомъ?»

Весь обширный край къ сѣверу, востоку и югу отъ Бѣлоозера, съ нынѣшними городами Каргополемъ, Устюгомъ, Бѣлозерскомъ и Вологдою, составлялъ прежде область «Бѣлозерскую». Она сначала входила въ составъ княжества Ростовскаго. Во время нашествія Батыя съ татарами на Русскую землю, въ несчастной битвѣ на рѣкѣ Сити (1237 г.), въ которой погибъ великий князь Юрій Всеволодовичъ, другой князь---Василій, или Василько Константиновичъ Ростовскій попался въ плѣнъ и былъ замученъ татарами. Его княжество подѣлилось между двумя сыновьями: старшему, Борису, достался край Ростовскій, младшему, Глѣбу---край Бѣлозерскій. Потомки Глѣба уступили потомъ свое княжество князьямъ Московскимъ; но великий князь Московскій Дмитрій Ioанновичъ Донской, умирая, въ 1388 году, завѣщалъ Бѣлозерскую область сыну своему Андрею Дмитріевичу Можайскому, о которомъ св. Кирилль упоминаетъ въ своемъ завѣщаніи.

«Бѣлозерскимъ» чудотворцемъ св. Кириллъ названъ собственно не по имени озера, а какъ просвѣтитель, духовный наставникъ и защитникъ всего края Бѣлозерскаго. Самое Бѣлоозеро находится верстахъ въ 30 — 40 отъ обители Кирилловой.

На пути отъ города Кириллова къ Бѣлоозеру попадается не мало интереснаго.

Мы уже упоминали о горѣ Маурѣ, или Мауриной, отдѣляющей озеро Сиверское отъ долины рѣки Шексны. По преданію народному, именно съ этой горы преподобный Кириллъ впервые узрѣлъ мѣсто, предназначеннное Богоматерью для его обители. Взойдя на нее, путникъ можетъ насладиться обширнымъ и прекраснымъ видомъ на окрестную даль: съ одной стороны Горицкій женскій монастырь и долина полно-водной Шексны, прихотливо извивающейся среди лѣсовъ и луговъ; съ другой — монастырь Кирилловъ съ блестящими куполами его 11-ти церквей, съ могучимъ бѣлокаменнымъ кремлемъ, подымающимся изъ водъ озера Сиверскаго, которое, несмотря на свою пятиверстную длину, теряется среди безчисленныхъ озеръ, разбросанныхъ и вправо и влѣво отъ него, соединенныхъ лентами каналовъ и рѣкъ. Всѣ эти воды сверкаютъ зеркальной поверхностью въ зелени лѣсистыхъ холмовъ, среди луговъ, сре-

ди полосъ ржи и прибрежныхъ песковъ. Вершина самой Мауры совершенно открыта; на ней лежить огромный камень, на которомъ виденъ какъ-бы отпечатокъ слѣда человѣческаго. Народное преданіе признаетъ его слѣдомъ ноги св. Кирилла.

Обогнувъ Мауру сначала вдоль озера Сиверскаго, а затѣмъ лѣсистыми пригорками, путешественникъ въ семи верстахъ отъ обители Кирилловой, на берегу Шексны, вступаетъ въ обитель Горицкую, или Горицы. Женскій монастырь этотъ во имя Воскресенія Христова тоже принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ монастырей русскихъ по множеству связанныхъ съ нимъ историческихъ воспоминаній. Въ немъ проживали многія инокини царскаго и княжескаго рода, постриженныя иногда по собственной волѣ, а чаще по неволѣ при Иоаннѣ Грозномъ и въ смутное время, наступившее послѣ его кончины.

Основанъ Горицкій Воскресенскій монастырь въ 1544 году теткою Иоанна Грознаго, княгинею Евфросиніей, супругою князя Андрея Ивановича Старицкаго, къ землямъ котораго тогда принадлежалъ весь край Бѣлозерскій. Князь Андрей Старицкій не ладилъ съ матерью Грознаго, Еленою, пытался даже завладѣть престоломъ Московскимъ и за это по-

гибъ въ темницѣ. Примѣръ его не устранилъ княгиню Евфросинію: во время болѣзни Іоанновой она стала домогаться престола для сына своего Владимира Андреевича. Іоаннъ этого ей не простилъ, и въ 1569 году Евфросинія, вмѣстѣ съ племянницей своей Іуліаніей (вдовою брата Іоаннова, Юрія), должны были постричься; Евфросинія нареклась при этомъ Евдокіей, а Іуліанія—Александрою. Прибыли онѣ въ Горицы, однако, еще съ пышностью княжеской, могли еще осыпать своими благодѣніями со сѣднюю Бѣлозерскую обитель; но шесть лѣтъ спустя, Іоаннъ приказалъ утопить обѣихъ въ Шекснѣ. Онѣ погребены противъ соборнаго алтаря, въ особой часовнѣ.

Долго жила въ Горицахъ въ заточеніи и вдова Іоанна Грознаго, Марія, мать убіеннаго въ Угличѣ царевича Дмитрія, по смерти сына постриженная въ монашество подъ именемъ Марои. Прибывъ туда, несчастная мать построила въ соборѣ Горицкаго монастыря два придѣла: одинъ во имя Богоматери Одигитріи, другой—во имя Кирилла Бѣлозерскаго, дабы въ нихъ приносить Господу молитвы за душу безвременно погибшаго отрока. Но вскорѣ дошла до нея вѣсть о чудесахъ, свершившихся у гроба царевича, о перенесеніи нетлѣнныхъ его мощей въ Московскій Архангельскій соборъ Бѣлозерская обитель.

боръ; затѣмъ ей дали свободу. Иночина Мареа вдоворилась тогда на жительство въ Московскомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а въ соборѣ Горицкой обители построила третій придѣлъ во имя святаго сына своего. Образъ царевича, присланный ею для этого придѣла, до сихъ поръ стоитъ въ немъ.

Когда Годуновъ воздвигъ гоненіе на родъ Романовыхъ, въ Горицахъ долгое время по неволѣ жилъ съ теткой своей, княгиней Черкасской, и юный Михаилъ Романовъ, впослѣдствіи царь Михаилъ Феодоровичъ; между тѣмъ какъ отецъ его, бояринъ Федоръ Никитичъ (впослѣдствіи великий патріархъ Филаретъ) томился въ невольномъ постригѣ въ монастырѣ Сійскомъ, а мать, тоже невольная иночина Мареа,—въ одномъ изъ погостовъ заонежскихъ. Изъ Горицъ юный Михаилъ переселился въ Кострому, гдѣ жилъ съ матерью, пока вся земля Русская, изстрадавшись отъ внутреннихъ раздоровъ и вѣшнихъ враговъ, отъ самозванцевъ, Поляковъ, Шведовъ и вольницы всякаго рода, не позвала его на царство.

Въ Горицы же сослана была Лжедимитріемъ красавица Ксенія, дочь Годунова.

Къ сожалѣнію, всѣ церкви Горицкой обители передѣланы въ новомъ вкусѣ, и о великомъ ея прошломъ едва напоминаютъ ча-

совня княгини Евфросини и Юліаніи да нѣ сколько древнихъ иконъ.

Если отъ Кириллова монастыря ѿхать на Бѣлозерскъ (40 верстъ), то башни Кириллова монастыря пропадаютъ изъ глазъ только на 11-й верстѣ; а затѣмъ вскорѣ, по выѣздѣ изъ небольшаго села, издали съ пригорка уже открывается Бѣлоозеро. Глинистое дно и малая глубина — нигдѣ не превышающая трехъ сажень — придаются озеру бурый цвѣтъ; оно почти непрерывно волнуется и названіемъ вѣроятно обязано бѣлой пѣнѣ своихъ волнъ. Какъ въ длину, такъ и въ ширину, оно имѣеть верстъ 60. Въ Бѣлоозеро впадаетъ 26 рѣкъ *), а вытекаетъ изъ озера одна Шексна (потому она и многоводна). Много погибало судовъ и народа въ Бѣлоозерѣ, пока въ 1846 г. для обхода его не провели канала. Каналъ имѣеть 63 версты въ длину, глубина его отъ 3 до 4 аршинъ, ширина двѣнадцать аршинъ. Когда обходнаго канала не было, суда, шедшія съ Волги, подымались по Шекснѣ прямо въ Бѣлоозеро и входили въ него у Крохина посада. Теперь же идти бурнымъ озеромъ отваживаются немногіе; семь верстъ ниже Крохина, т. е. не доходя истока Шексны, въ мѣстѣ, называемомъ

*) Извѣніе значительнѣе другихъ Ковжа, соединенная каналомъ съ рѣкою Вытегрою, впадающей въ озеро Онежское.

«Чайка», они вступают въ каналъ и, пройдя каналомъ нѣсколько верстъ къ западу, подходятъ къ городу Бѣлозерску.

Версты за двѣ до Бѣлозерска привлекаетъ вниманіе довольно высокій курганъ, покрытый рѣдкими елями и мѣстами разрытый. По народному преданію, это—могила Синеуса, одного изъ трехъ витязей варяжскихъ, призванныхъ на княженіе въ 862 году Славянами и положившихъ начало государству Русскому. Внявъ призыву, Рюрикъ сталъ княжить въ Новгородѣ, Труворъ—въ Изборскѣ, а Синеусъ—на Бѣлоозерѣ.

Бѣлозерскъ расположенъ между каналомъ и озеромъ и, благодаря каналу, очень оживленъ въ судоходное время. Въ немъ, однако, ничего особенно замѣчательнаго нѣть; можно развѣ упомянуть о четырехугольномъ земляномъ валѣ, сажени въ $3\frac{1}{2}$ — 4 вышиною, который находится въ западной части города. Всѣ четыре стороны вала занимаютъ до 550 саженъ, кое-гдѣ оставлены промежутки для воротъ; передъ валомъ сухой ровъ. До 1758 года на валу еще стояли деревянныя стѣны съ башнями. Внутри этой земляной ограды нѣсколько полуразрушенныхъ зданій и два собора (холодный во имя св. Василія и теплый въ память Преображенія Господня). Этотъ валъ — люби-

мое мѣсто прогулокъ для горожанъ. Дѣйствительно, видъ съ него на Бѣлоозеро очарователенъ.

На своемъ настоящемъ мѣстѣ Бѣлозерскъ существуетъ, впрочемъ, только съ 1352 года; раньше онъ стоялъ на другомъ мѣстѣ, верстъ за семнадцать, и стоялъ онъ тамъ давно: тамъ—какъ мы сейчасъ вспоминали—водворился Синеусъ; тамъ среди населенія, еще погруженаго во мракъ язычества, при великомъ князѣ Ярославѣ I Мудромъ, сынѣ Владимира Святаго, просвѣтителя Руси, построена была деревянная церковь во имя св. Василія Неокесарійскаго. Преданіе гласить, что при ея освященіи разразилась гроза и молнія ударила въ березу, которой язычники поклонялись, какъ святынѣ. Многіе изъ нихъ, объятые ужасомъ, спѣшили креститься. На новое мѣсто Бѣлозерскъ переведенъ былъ послѣ сильной моровой язвы, которую народъ называлъ «черной смертью». Въ древнемъ Бѣлозерскѣ отъ нея вымерло все населеніе, не осталось въ живыхъ ни одного человѣка.

Мѣсто стараго города еще до сихъ поръ обозначается небольшими буграми. Между ними на мѣстѣ прежней церкви св. Василія, на лѣвомъ берегу Васильевскаго ручья, поставлена часовня во имя Василія Блаженнаго;

въ ней остатки кирпичной гробницы какого-то князя. По народному повѣрю, здѣсь по-гребены князья Борисъ и Глѣбъ Васильковичи, но повѣре это ошибочно. Мы уже рассказали (стр. 30), какъ послѣ мученической смерти Ростовскаго князя Василія въ плѣну у Татаръ, сыновья его Борисъ и Глѣбъ подѣлили отцовское наслѣдіе: Борисъ взялъ край Ростовской, Глѣбъ—край Бѣлозерской. Братья, вмѣстѣ съ другими князьями земли Русской, должны были нести тяжкую долю:ѣздить къ татарскому хану въ орду на поклонъ. Во вторую поѣздку ихъ, въ 1277 году, Борисъ умеръ въ ордѣ. За смертью его всѣ земли отцовскія соединились въ рукахъ Глѣба, и онъ въ слѣдующемъ 1278 году изъ орды отправился уже не на Бѣлоозеро, а прямо въ Ростовъ. Въ томъ же году онъ тамъ и скончался, на 42 году отъ рожденія, и погребенъ въ церкви Пресвятыя Богородицы. Надъ каменной гробницей его въ Ростовѣ и по сію пору ежегодно отправляется панихида въ день святыхъ Бориса и Глѣба. Тѣмъ не менѣе, нерѣдко служать панихиды по князю Глѣбу (даже по обоимъ братьямъ Борису и Глѣбу) и на мнимой могилѣ ихъ, въ часовнѣ на буграхъ древняго Бѣлозерска *).

*)Этихъ князей. Бориса и Глѣба Васильковичей, не следуетъ

Впрочемъ не даромъ сохранилась въ народѣ память о князѣ Глѣбѣ Васильковичѣ. Лѣтопись представляетъ его ласковымъ, милостивымъ, смиреннымъ, богообразливымъ, щедрымъ: «бражно свое и питіе нещадно подаяще требующимъ и многу милостыню убогимъ». Татарскіе ханы относились къ нему очень милостиво, а онъ расположеніемъ ихъ пользовался, чтобы по возможности охранять христіанъ отъ притѣсненій слугъ ханскихъ. Имъ основаны Бѣлозерская пустынь на островѣ Кубенскаго озера и Бѣлозерскій монастырь Св. Троицы. Сохранилась память и о его заботахъ по устройству обширнаго Бѣлозерскаго края: имъ прорыты два канала для уничтоженія въ теченіи рѣкъ Вологды и Сухоны большихъ извилинъ, значительно умѣдлившихъ плаваніе по этимъ рѣкамъ. Измѣнивъ теченіе, онъ и донынѣ текутъ по руслу, указанному имъ волею князя, по мѣстностямъ, которыя и на Вологдѣ, и на Сухонѣ съ тѣхъ поръ называются «Княже-Глѣбова крѣпость».

Закончимъ указаніемъ еще на достопримѣчательную по древности деревянную церковь, въ

смѣшивавшую со святыми князьями Борисомъ Владиміровичемъ и Глѣбомъ Владиміровичемъ, сыновьями св. Равноапостольнаго князя Владимира, просвѣтителя Руси, погибшими въ 1015 г. отъ убийцъ, подосланныхъ Святополкомъ Окаяннымъ.

память Положенія ризы Богоматери, въ селѣ Бородаевѣ, на пути между Бѣлозерскомъ и Крохинскомъ. Ей насчитываютъ 600 лѣтъ. Постройкою эна дѣйствительно напоминаетъ самые древніе храмы; въ ней до сихъ поръ даже вместо колокола сзываеть православныхъ на церковныя службы било—чугунная доска, въ которую ударяютъ камнемъ.

Глядя на храмъ этотъ, видишь передъ собою какъ бы образецъ тѣхъ первоначальныхъ церквицъ, о которыхъ упоминается въ житіяхъ св. угодниковъ, разлившихъ свѣтъ ученія православной вѣры въ дебряхъ нашего сѣвера. Таковъ долженъ быть и первый храмъ обители св. Кирилла, созданный по молитвѣ его вѣроятно на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи возникъ нынѣшній, тоже уже обветшалый, соборъ Успенія Пресвятой Богородицы.